

УДК 291.6
ББК 86.375
Е 21

Евпраксия (Инбер), игумения

Е 21 Дарим тебе дыхание: Рассказы о жизни рядом со старцем Наумом / Игумения Евпраксия (Инбер). — М.: Сибирская Благовонница, 2019. — 366, [2] с.

ISBN 978-5-00127-052-2

В этой небольшой книге автор, игумения Евпраксия, рассказывает о жизни рядом со старцем, лаврским архимандритом Наумом (Байбородиним; 1927–2017). Много всего удивительного, чудесного происходило постоянно, но разве можно привыкнуть к чуду... А ведь самым большим чудом был сам Батюшка.

Отец Наум был живым примером святости, примером невозможного для человека наших дней совершенства, примером полной беспощадности к себе и жертвенности, милосердия и бесконечного терпения. В публикуемых рассказах запечатлены некоторые истории, связанные с его благословениями, его молитвами и заботами о своих духовных чадах.

© Игумения Евпраксия (Инбер), текст, 2019
© Сибирская Благовонница, оформление, 2019

*Посвящается моему духовному отцу,
архимандриту Науму Байбородину,
с бесконечной благодарностью и любовью*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой небольшой книге мне хотелось рассказать о нашей жизни рядом со старцем, лаврским архимандритом Наумом. Много всего удивительного, чудесного происходило постоянно, но разве можно привыкнуть к чуду... А ведь самым большим чудом был для нас наш Батюшка. Вот я и решилась запечатлеть в этих рассказах некоторые наиболее яркие истории, связанные с его благословениями, его молитвами и заботами о нас.

Батюшка был для нас живым примером святости, примером невозможного для человека наших дней совершенства, примером полной беспощадности к себе и жертвенности, милосердия и бесконечного терпения.

Абсолютно лишенный всякого тщеславия, он был невероятно скромным человеком, до такой степени, что в результате почти не осталось даже маленьких фильмов о нем. Драгоценные кадры, снятые украдкой. И его

небольшой рассказ о своем духовном отце, Алма-Атинском митрополите Иосифе (Чернове), — только потому что о нем, а не о себе. Потому что надо было его прославить. Как Батюшка радовался, когда вышла книга воспоминаний о святом Владыке!

При всем знании и понимании особенностей нашей современности, он удивительно сочетал в себе житие вне времени, его как бы не касалась суэта информационных потоков, никакие внешне- и внутривосточные развороты ни на миг не лишали его всегдашнего предстояния перед Богом и молитвенного устройства души: «Читайте “Древний патерик” и напитывайтесь этим духом, учитесь Псалтирь наизусть...»

«...Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно» (1 Кор. 12, 8–11).

Можно свидетельствовать, что Господь щедро излил на Своего избранника почти все эти дары, а может, и все. Только Батюшка не любил, когда теряют время на бесполезное

изучение множества языков, если это не необходимость, например, для ученого-исследователя. Да и зачем ему были языки, если он читал в человеческих душах, как в открытой книге. Бессмысленно было что-то скрывать, на исповеди у него душа любого из нас просматривалась насквозь, на просвет — это был настоящий рентген.

Еще в первые годы своей монашеской жизни отец Наум стяжал дар непрестанной Иисусовой молитвы. И его главной заботой стало возрождение монастырей в России после семидесяти лет плена Вавилонского, возрождение монашеской жизни — делания Иисусовой молитвы в этих монастырях. Более 40 монастырей открылось в России его трудами. Батюшка сам молился непрестанно и почти в каждой своей проповеди нас к этому призывал: «Иисусову молитву надо читать, как дышать». Практике Иисусовой молитвы посвящена и его кандидатская диссертация.

Десятки архиереев и сотни священников — воспитанники и ученики архимандрита Наума. Сколько храмов ими восстановлено и заново построено!

Благословением и молитвами нашего старца состоялось прославление преподобных Кирилла и Марии, блаженной старицы Матроны.

Он отыскал и напечатал житие бородинской старицы Рахили и забытую за многие десятилетия книгу «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу». Благодаря Батюшке возродилось почитание написанной по благословению оптинского старца Амвросия иконы Матери Божией «Спорительница хлебов»...

А Ноев ковчег! За послушание старцу его духовный сын поднялся на Арарат и нашел его!

Это только то, что известно мне. А сколько неизвестно... Батюшка был очень увлеченным человеком. Но он сам почти никогда не рассказывал о своих трудах — хорошо еще, что мы хоть что-то узнавали друг от друга.

За много лет до перестройки и разрушения уклада, хозяйства и суверенитета нашего государства, в самом начале восьмидесятых, он уже переживал, предвидя, что ждет нашу Родину впереди. Когда еще никто не подозревал, что все может рухнуть в одночасье.

«В каждом доме должно быть Евангелие! Работайте с людьми, открывайте богословские курсы, занимайтесь с детьми. Крыло мухи влияет на судьбы мира».

Самым главным сокровищем для отца Наума были человеческие души, вот и начинались его монастыри не со стен и украшения

храмов дорогими иконостасами, не с удобных зданий с отдельными кельями, а с тех людей, которых Господь посылал под его водительство, которых он растил и вымаливал. Всегда сначала люди, потом стены. Он не боялся брать под свое окормление нас, искалеченных непохвальной жизнью и перемолотых в жерновах безбожного безвременья.

Батюшка все для нас сделал, оставил множество книг со своими проповедями и статьями, историческими и богословскими трудами; это его наследие еще ждет своего исследователя.

Если бы мы всегда были внимательны к тому, что он нам говорил, и послушны! Батюшка ждал от нас помощи и соработничества: «А ты проси — кому избавления от страстей, а кому — молитвенников за весь мир». Сколько упущено, сколько испорчено из того, что должно было совершиться по воле Божией через благословения нашего старца и не совершилось из-за нашего непослушания и нерадения.

Разве мы могли вместить огромные масштабы его мышления, скорбей и трудов в ограниченные пределы своего душевного дома...

Но будем благодарны Богу и за то, что все-таки состоялось, несмотря на нашу

несостоятельность, за то, что наш старец вымолил для нас, долготерпеливо преодолевая своими молитвенными трудами нашу леность и недостаточность.

Мне не удалось так написать свои рассказы, чтобы там ничего не было сказано обо мне. Очень бы хотелось, но я так не умею. Я не могу отделить слово о нем от своей жизни. Все события жизни, да просто вся жизнь была пронизана светом его личности, мы все каждый день жили и трудились как могли под Батюшкиным руководством, под его молитвенным покровом, согретые его великой любовью, и смерть его нас не разлучила.

И если после прочтения этой книги в мире станет больше людей, для которых имя нашего незабвенного старца, архимандрита Наума (Байбородина), будет дорого и память о нем священна, то задача этого моего скромного труда будет выполнена.

Школа молодого бойца

ГАРДЕРОБНЫЙ ТРЕСТ

Незадолго до того, как впервые оказаться у архимандрита Наума, я уволилась с работы. Батюшке это не понравилось, но вернуться обратно было невозможно.

— А что ты теперь хочешь делать?

— Думаю сторожить какую-нибудь контору и петь в храме.

— Ну, вот и хорошо. Посторожишь и попоешь.

И по Батюшкиным молитвам досталась мне уникальная сторожевая работа в самом центре Москвы, на Маяковке, на улице Медведева — в бывшем Старо-Пименовском переулке, со смешным таким названием «Гардеробный трест». Это в советское-то время — контора, которая нанимала гардеробщиков, а потом предлагала их разным

организациям. Ну точно «Рога и копыта». Десять комнат, два входа, кабинет директора, кабинет секретаря, где я и обитала, и все. Работаю через два дня на третий. В шесть вечера все уходят и сдают мне ключи, а в девять утра я им ключи возвращаю. В кабинете секретаря пишущая машинка! Я меняла ленту на свою и полночи печатала на папиросной бумаге редкие тогда книги — Лаврентия Черниговского, например, в восьми экземплярах. И еще немного подрабатывала — печатала пачки платежных поручений для директора.

Принимать гостей на работе было категорически запрещено, но кого это интересовало. Почти каждое дежурство у меня появлялись мои друзья и знакомые. Приходил иногда и отец Алексей Царенков — он, приезжая из Ивановской области, встречался в Москве со своими духовными чадами и засиживался с ними допоздна, иногда и у меня на работе. Вот придут они ко мне на ночь глядя с Ниночкой Моисеевой. Метро уже закрывалось... Тогда мы драпировали полотенцем телевизор, батюшка ставил на него дароносицу со Святыми Дарами, я ему составляла кровать из стульев в один ряд в кабинете директора, на таких же импровизированных кроватках через стенку укладывались

мы с Ниночкой. А рано утром я их тихонько, незаметно, по одному выпускала на свободу. Каждый вечер, приходя на работу, окропишь крещенской водой всю контору после толпы гардеробщиков, особенно кабинеты директора и секретаря, и уже можно дышать. А директор по утрам удивлялся: «Не понимаю, почему именно после твоего дежурства я так хорошо себя чувствую на работе — какая-то другая атмосфера». Как-то он мне с гордостью рассказал, что надпись на Мавзолее «Ленин и Сталин» — это его работа. А потом он поменял профессию и придумал эту чудную контору. Такой другой работы, говорили мои друзья, не найти ни в одной столице, ни в Москве, ни в Ленинграде.

Наша бригада сторожей обслуживала несколько организаций в районе Маяковки. Одна из них — Министерство, кажется, «Спецстроймонтаж» — была напротив моей конторы, чуть наискосок, на углу Медведева и Пушкинской улицы. Ее сторожила как раз мама отца Алексея, Екатерина Александровна. Конечно, никто не знал, что она мама священника.

И вот однажды ночью раздается стук в двери: «Открывайте! Проверка». А у меня как раз была в гостях моя подруга Татьяна, будущая дивеевская монахиня Никодима.

Она уже спала на стульчиках в кабинете директора. Вот уж пришлось нам помолиться! Они открыли все двери, а главную — в кабинет директора — не заметили. Прошли мимо. Я позвонила по всем нашим постам — проверки изредка бывали, и если уж проверяли, то все посты подряд. Но ни к кому больше они не пришли. Только мы заснули, как снова стук — открывайте, у вас кто-то есть. И опять они прошли мимо директорской двери.

Утром мне позвонила Екатерина Александровна: «Нет, ты представляешь? Наши бабки (которые работали на ее посту в прошлую смену) застучали моего Алешу, который приходил к тебе с Ниночкой Моисеевой, и доложили куда следует. И главное, мне все рассказали, на тебя пожаловались».

Поехала я к Батюшке:

— Что же теперь делать?

— А ты им скажи, что к тебе из деревни родственники приезжали, сало, молоко привезли.

В следующее дежурство прихожу на работу, и что же вижу — роскошный мраморный подъезд, который выходит на улицу Медведева напротив моей работы, заколачивают, разбирают и пробивают дверь в гранитном цоколе стены, которая выходит

на Пушкинскую улицу, за углом. Говорят, распоряжение руководства. Понятно — от туда не будет видно, кто ко мне приходит.

Я поблагодарила Батюшку, а он только улыбнулся в ответ.

Но бабки стали выходить из подъезда, заворачивать за угол и часами караулить, не идет ли кто ко мне в гости. Я снова поехала жаловаться к Батюшке.

Через пару дней ко мне пришла на работу бригадир и с удивлением рассказала, что руководство приняло неожиданное решение передать охрану Министерства другой бригаде и поменяло весь состав сторожей.

Я еще раз поблагодарила Батюшку, а он, как всегда, отправил меня в Троицкий собор благодарить преподобного Сергия.

Забавная у нас была бригада. Почти все — православные люди. У всех высшее образование. Не с кем было поменяться на праздник — в церковь нужно было всем. И вот с одним из сторожей, назовем его Константин, мы очень подружились (к Батюшке нашему он, к сожалению, не ходил). Костя — филолог, я — что-то вроде: было о чем поговорить за чаем. Какие-то любимые стихи другу почитать, например. Какая-то

взаимная симпатия уже появилась, но ничего греховного, на мой лукавый взгляд, в наших отношениях не было. А когда Константин поступил в семинарию и до меня дошло, наконец, что дружбу эту нашу нужно решительно прекращать, я положила в сумку сокровище по тем временам — маленькое Евангелие на рисовой бумаге в мягкой зеленой клеенчатой обложке, — приехала в Загорск, попрощалась с Константином и подарила ему на память это Евангелие: он еще очень удивился, где я его взяла, такая редкость была. И тем же утром иду к Батюшке на исповедь. Обо всем рассказала, кроме этой истории: «А о чем тут говорить, — думаю, — я к нему и не прикоснулась ни разу даже, никакого греха-то не было».

— Все рассказала? — спрашивает Батюшка.

— Все, — отвечаю уверенно.

— Все? И никто к тебе на работу не приходит? Чай не пьете? Стихи не читаете?

Батюшка с трудом нагибается, что-то ищет под столом в тесной своей каморке и — хлоп! — выкладывает на стол точно такое же Евангелие в зеленой мягкой обложке и пристально смотрит на меня. Я, конечно, в слезы.

— Чаше ходи в гробовой магазин. Это действует отрезвляюще.

— А что мне теперь с этим Евангелием делать?

— А что хочешь. Ты хозяйка.

Драгоценное это Евангелие, немного потрепанное за многие годы, теперь как реликвия стоит на моей книжной полке. Читать мне его уже трудно — очень мелкий шрифт, а так хочется, как когда-то, не расставаться с ним, носить его с собой всегда.

Батюшка все это называл «Школой молодого бойца».

Ну, Царство...

Я тогда ездила к Батюшке часто, старалась бывать у него раз в десять дней, как он мне с самого начала благословил.

В тот день я впервые оказалась свидетелем явного чуда, которое совершилось по Батюшкиным молитвам, — обычно он скрывал такие вещи, а тут не удалось. К нему подошла во время приема — это, конечно, было еще в старой келье — молодая женщина, упала ему в ноги:

— Батюшка, помогите, никто, кроме Вас, не поможет. У меня страшные головные боли, я теряю сознание на несколько часов, а дома маленький ребенок, что он может

натворить за это время... Врачи от меня отказались.

— Ну вот как с тобой быть, — говорит Батюшка, — это ведь все равно, как если бы человек пришел в первый класс и просил диплом об окончании института. Надо сначала Богу поработать...

— Батюшка, помогите, пожалейте нас!

— Ну ладно, сейчас у тебя вполовину пройдет, а остальное потерпи. Кто тут из Москвы?

Я прижалась к стенке, мне совсем не хотелось с ней возиться, но все молчали, и пришлось признаваться.

— Вот возьми ее, все расскажи, что нужно, подари ей платье. Дай ей акафист Иоанну Крестителю и иконочку его. Пусть она акафист читает, как только голова начнет болеть, и будет проходить.

Самое интересное, что акафист Иоанну Крестителю, перепечатанный на машинке, в тот день лежал у меня в сумке, его мне накануне подарила Елена Семеновна Крепс, которая тогда по Батюшкиному благословению занималась моим воцерковлением. Это была большая редкость в те времена. Я сразу же отдала его Антонине. И картонная иконочка Иоанна Предтечи у меня дома уже была, и тоже вскоре оказалась у Антонины.

Кстати, выяснилось, что она жила в городе, который был всего в сорока минутах езды на электричке от моего дома по той же ветке.

Приехала я к ней домой, привезла свое платье в подарок, а она и рассказывает, что вот уже несколько раз, как только заболит голова, начитает читать акафист Иоанну Крестителю, дочитает до середины, и все проходит.

Договорились мы с ней о поездке к Батюшке. Но что-то у меня не складывалось, и я снова приехала к ней, чтобы перенести поездку (телефонов тогда не было ни у нее, ни у меня). А она рассказывает, что поездку и так уже отложила, — ночью ей приснился Батюшка: «Такая красота вокруг него была — ну, Царство. Все как будто под водой происходит. Батюшка стоит в свете изумрудном, а от него в одну сторону плывут какие-то коробки, в другую книги, в третью — машины и еще много всего разбегаются по сторонам, а он всем этим руководит, распределяет по назначению. И говорит ей: «Знаешь, здесь сейчас у меня неполадки, надо разобраться, подрегулировать кое-что, ты приезжай ко мне через пару дней». А тут пришел с работы муж, ему поменяли график, и он меня только через два дня может отпустить».

И что интересно, она ведь ничего не знала о Батюшке и совсем новым человеком для него была. Потом мы как-то с ней потерялись, но эта история осталась в памяти навсегда.

АЛТАЙСКИЕ ВОСХОДЫ

На Алтае мы оказались в самом начале сентября в экспедиции по сбору золотого корня, который растет там вдоль горных ручьев. Мне давно хотелось увидеть алтайские горы своими глазами, а тут подвернулась счастливая возможность такой поездки, да еще бесплатно, — уж на дорогу туда и обратно мы как-нибудь золотого корня насобираем. Ну вот в результате только на дорогу и насобирали — нас, естественно, обманули в пункте приема, почти ничего не заплатили. Ну и ладно. Зато побывали-то где!

В палатке мы обитали втроем: Леша, Валя Курьерова и я, каждый в своем спальном мешке-коконе. Мне повезло — вода, которая натекала по утрам в нашу палатку, не добиралась до моего мешка, но каждое утро, на рассвете, меня будил диалог из соседних сырых мешков: Леша рассказывал Вале о своих переводах русских поэтов

на английский и английских на русский. А Валя Леше о деталях итальянских интерьеров — это была ее диссертация. И что? Ехать в такую даль, чтобы слушать тут с утра пораньше московскую болтовню?

Я вылезала из своего мешка тихо-тихо, чтобы не разбудить соседей, и, осторожно ступая по мокрой траве, выбиралась наружу. Огромные камни, поросшие зеленым и розовым лишайником... Рядом со мной пристраивается встречать восход маленькая застывшая ящерица. Справа и слева — бесконечные горные хребты, а мы между ними на камне, в ущелье. Это наш наблюдательный пункт. Эх, туда бы мой сегодняшний фотоаппарат... Невероятные переходы цвета и формы, картина, которую мы с ящерицей созерцаем, все время изменяется, как будто в фантастическом огромном калейдоскопе, который медленно-медленно поворачивается...

Я никогда не любила ни Рериха, ни Чюрлёниса. Не то чтобы не понимала, а именно не любила. А после этих невероятных алтайских восходов знаменитые рериховские горные пейзажи, мягко говоря, совершенно бледнеют. Его мутные алтайские картины, «написанные мылом», вообще не похожи на то, что я видела там. Точнее, слегка похожи все-таки, но как будто он сделал

нечеткую черно-белую фотографию, а потом наспех раскрасил грязными серыми красками. Не понимаю, что в нем находят ценители. И Чюрленис — его достойный ученик. Вот прямая иллюстрация к вопросу о том, что первично — материя или сознание. Сразу видно, что сознание. Больная голова рождает большое творчество. Как рифмованные мысли — это никогда не поэзия, не искусство, так и рериховские холсты — всего-навсего иллюстрируют его восточные хмурые идеи, воплощают его религиозные убеждения. И художественная несостоятельность, надуманность этих его картин замечательно демонстрирует ложность его мировоззрения.

Сначала мы доехали на поезде до Барнаула, потом до Бийска. Потом на машине до Усть-Семы, и утром на грузовике по Чемальскому тракту вдоль Катуня нас повезли высоко в горы. Дорога закончилась, и мы еще долго поднимались с рюкзаками пешком наверх, дыхания хватало на несколько минут, нужно было все время останавливаться, чтобы отдышаться. Ну вот и пришли. Невероятной высоты кедры вокруг и небольшая полянка, где мы поставили свои палатки на берегу чистейшего горного ручья. Земля

устлана огромными блестящими разноцветными листьями бадана — сентябрь. Нет, под кедрами не земля, а на полтора — два метра в глубину — кедровые иголки. Наверное, на берегу такого же ручья, только не алтайского, а алма-атинского, случилась история, о которой мне недавно рассказали. Такая же компания путешественников расположилась у горного ручья, и кто-то из них отправился за водой. Склонился над ручьем и вдруг отшатнулся в испуге. Он еще раз подошел с ведром зачерпнуть воды, и опять его отбросило в сторону. Тут из соседних зарослей жимолости вышел незнакомый человек и направился к воде. Оступился, упал и виском ударился о камень. Спасти его не удалось. Весь день ушел на то, чтобы доставить тело в больницу, разобраться с милицией, и когда все, измученные, задержанные, собрались наконец у костра на ужин, кто-то вспомнил: «А что тебя утром так шарахнуло у ручья два раза подряд?» — «Да я только подошел к воде, и слышу: “И место то, и время то, а человек не тот”. Пришел в себя, думаю — может, показалось. Подошел еще раз, и снова голос: “И место то, и время то, а человек не тот”. Вот и все — тот человек маленько задержался...»

Подруга моя, Наташа, наш повар, исполняя заповедь насчет отдай последнюю

рубашку, в первые же дни экспедиции отдала туристам, которые забрели в наши края и где-то потеряли свой котелок, одно из двух ведер, в которых мы варили обед. Которое получше, конечно, чтобы все похристиански. И мы весь месяц мучились с единственным ведром, в нем готовили и суп, и кашу, оно почему-то сразу проржавело, а вода в ручье ледяная... Везет же мне с этими ведрами-кастрюлями в единственном экземпляре. Вот, пожалуйста, XX век, и не найдешь нигде ведра, хоть плачь! И ведь еще весь наш запас сахара им отдала в придачу. Я вот думала, что там, в Евангелии, сказано отдать последнюю рубашку свою, а не чужую. Но уж кто как понимает... Потом вообще вся еда почему-то закончилась, наверное, не только сахар получили те туристы вместе с новеньким нашим ведром, а нам еще неделя оставалась до спуска с гор к тому месту, куда за нами должна была прийти машина. Парни стреляли глухарей, Леша с Валею страшно обиделись на Наташу, и наша компания разделилась на два лагеря. А я тоже обиделась, но поддерживала ее как могла, поэтому Леша с Валею обиделись заодно и на меня. Помирились мы только через год. А тогда даже почти не разговаривали из-за чая без сахара.

Оставшись в результате почти в одиночестве, я частенько уходила на небольшие прогулки и вот однажды, забираясь невысоко в гору, увидела знаменитые жарки. Они были такие невероятно яркие и огромные, что я совсем забыла, что подо мной отвесный провал, потянулась за цветком и почти сорвалась, повисла на руках на небольшом уступе. Помощи ждать неоткуда. А руки у меня очень слабые. Я не понимаю, как мне удалось подтянуться, при моей абсолютной неспортивности, всегдашней школьной двойке по физкультуре. Это точно — у меня открылись со страху «резервные возможности организма». Вот так однажды было и с игуменией Варварой, когда она еще послушницей решила привести в порядок территорию нашего разрушенного монастыря и подожгла сухую траву. А огонь перекинулся на сложенные высоким штабелем тяжеленные огромные лаги, которые нам кто-то привез в подарок для будущих полов и потолков. Лаги загорелись, а это было на тот момент все наше монастырское имущество. И она раскидала их одна, как щепки. Потом четверо мужиков целый день пыхтели — складывали обожженные лаги в штабель.

Мы насобирали несколько мешков золотого корня, путешествуя вдоль алтайских

ручьев, отпуск наш уже заканчивался, два наших лагеря временно объединились в один, мы дружно спускались вниз. По дороге остановились на привал у пастухов диких горных коров, такие были аксакалы, страшное дело. Там отстрелили последнего глухаря на обед и вскоре уже забирались в кузов зеленого ГАЗона, в кабине которого рядом с водителем сидел приехавший за нами из Усть-Семы начальник нашей экспедиции. Машина осторожно спускалась по извилистой узкой дороге вдоль бурлящей белой Катунни, слева — Катунь, справа — отвесные высокие скалы с черными подтеками; это мумие. И вдруг грузовик наш стал набирать скорость на спуске, а из окна кабины высунулась лохматая голова водителя: «Прыгайте все из кузова! Быстро! Тормоза отказали. Сейчас всем хана! Я тоже буду прыгать!» Первым выскочил из кабины наш начальник с двумя большими буханками хлеба под мышками. Это было очень смешно. Потом еще двое выскочили из кузова кувырком в кусты огромной алтайской малины, а я не спеша думала, что с моей «ловкостью» точно сломаю себе позвоночник, да уже не успеть резиновые сапоги натянуть, не ходить же там босиком в ожидании машины, которая в лучшем случае через месяц появится... И тут неожиданно

на нашей узенькой горной дороге оказалась полянка, а водитель еще не успел выпрыгнуть, пошел на виток спирали и сумел погасить скорость. Мы высыпали из кузова и потихоньку стали приходить в себя. А шофер оглядел нас и сказал: «Кто-то из вас тут очень счастливый! Мы все сейчас должны были вон там рыб кормить», — и показал на Катунь. Тут до меня, наконец, дошло, что пора молиться и Бога благодарить, и эта первая за все время нашего путешествия молитва была, конечно, молитва Иисусова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную».

И еще дошло, что, скорее всего, счастливыми-то были мы с Валею — Валя покрестился за месяц до нашей поездки, а я — всего три месяца тому назад. Не успели еще особенно грехов набрать.

Крестилась-то я, ничего не понимая, не осознавая, мне еще предстояло через полгода в Печорах пережить переворот сознания — крещение покаянием, и Господь, предвидя это, дважды спас от нелепой внезапной смерти грешную мою душу.

И вот через пару лет как-то вечером позвонил мне из Ленинграда на работу Геннадий — самый близкий друг Леши:

— Ты столько нам с Алексеем рассказывала о твоём Батюшке, отце Науме, а я завтра приезжаю на один день в Москву. Отвези меня к твоему старцу.

— А когда ты приезжаешь?

— Рано утром.

— Ну, попробуем. Я сдаю ключи в девять, и можно через полчаса встретиться на Ярославском вокзале. Впритык, конечно, но шанс есть.

На вокзале мы увидели объявление об отмене электричек до часу дня.

— Все бесполезно. Батюшка уходит в два, мы приедем в Лавру в лучшем случае только к трем, к закрытой двери.

— Все равно поедем. У меня будет время часов до пяти, потом бегом на электричку и сразу в поезд. Я хоть на пороге его кельи постою.

— Да кто нас пустит в келью, не пройдем даже через проходную. Знаешь, тогда молись.

И мы поехали с моим некрещеным Геннадием в Сокольники, в ближайший храм; он поставил свечи Матери Божией, вернулись на вокзал и в три часа все-таки оказались в Лавре возле проходной, нас почему-то сразу пропустили, что было в те годы совершенно невероятно, и вот мы стоим в тишине на пороге безлюдной Батюшкиной кельи.

— Ну вот, здесь Батюшка и принимает народ...

И тут послышались шаги, и в пустую приемную, к нашему великому удивлению, заходит наш старец.

— Ну что, приехали?

И начался разговор, который продлился ровно два часа, — как раз все то время, какое было у Геннадия, чтобы он мог успеть на свой вечерний поезд. Батюшка с такой любовью с ним говорил, и шутил, и даже «обижал» осторожно — проверял устроенные души. Наш математик все выдержал достойно и смиренно. «Значит, и мама и папа твои — оба евреи? Жаль. Вот если смешивается кровь, ну, с польской, например, эти умнее бывают». И как бы между прочим:

— Где же ты такого хорошего нашла? Сколько тебе? Двадцать семь? Ваши обычно к тридцати крестятся. Ну вот, будешь изучать языки, заниматься древними переводами. Поосторожнее с металлом, с машинами...

Через год Геннадий позвонил мне рано утром: «У мамы онкология, в одиннадцать операция. Попроси Батюшку помолиться о ней».

Я едва успела на нужную электричку, и было уже без пяти одиннадцать, когда я добежала до Батюшкиной приемной.

А там толпа во всех комнатах, и он где-то вдалеке, его не видно, только слегка доносится из самой дальней комнаты его голос. Я стою на пороге и кричу внутри себя: «Батюшка, мне бы два-три слова сказать!» И тут он как будто вырастает над всеми и обращается прямо ко мне: «Ну, говори два-три слова». Народ расступается, чтобы меня пропустить, и я передаю ему просьбу некрещеного Геннадия о своей некрещеной маме.

— Хорошо, но только она должна дать Богу какой-нибудь обет.

На следующий день позвонил Геннадий — операция прошла прекрасно. Потом еще десять дней все было прекрасно, а потом она умерла.

— А она дала обет Богу?

— Я не смог ей об этом сказать...

Прошло еще два года. Моим друзьям исполнилось по тридцать лет, я решила съездить в Ленинград взглянуть на них, и когда оказалась у Леши, он встретил меня в комнате, заваленной словарями, разными изданиями Библии среди кучи всяких рукописей.

— Да вот, решили мы с Геннадием переводами заняться. Он делает новый перевод Деяний святых Апостолов с греческого,

а я некоторые библейские книги с древне-еврейского перевожу...

— А что у тебя с носом? Был еврей как еврей, а теперь совсем грек с античным профилем...

— Ну надо же, как ты увидела? Ведь никто не замечает. Это мы с Геной вскоре после его поездки к твоему Батюшке были в командировке в Ереване, и маршрутка, на которой мы ехали, попала в страшную аварию. Из одиннадцати человек восемь погибли. У меня травма головы, перелом носа. А у Гены — синяк на коленке.

Вот тут я и напомнила им слова Батюшки насчет занятий древними языками и переводами. И крещения к тридцати годам. И предупреждение насчет машин. Оба они совершенно все это забыли.

Через три месяца Алексей позвонил мне и доложил, что они крестились вместе во Внучо, у отца Иосифа.

— А зачем они делают эти переводы? — спросил Батюшка, когда я ему рассказала о крещении своих друзей.

— Не знаю.

Что еще я могла ему ответить... Вскоре, к сожалению, наши дороги совсем разошлись...

— У меня в Ленинграде никого нет, — услышала я как-то от своего старца, когда

попыталась найти там для моих друзей священника из числа Батюшкиных чад.

САМА ЗА НИХ МОЛИСЬ

Несколько лет подряд после моего крещения отец каждое утро открывал холодильник и уговаривал меня съесть бутерброд с колбасой или котлету, — а мы тогда постились отчаянно: если уж Великий пост — то одни огурцы с хлебом, и каша никакая по средам и пятницам все остальное время года.

Ядерные боеголовки на полигоне, где отец служил и мы с сестрой росли, время от времени взрывались, и родители делали все что могли, чтобы сохранить наше здоровье. Каждое лето нас возили на море на месяц-два, а потом до сентября мама водила меня по московским театрам или концертным залам. Как же я страдала в том военном городке по московской архитектуре — среди безликих из белого кирпича одинаковых двухэтажных домов. Весь год ждала лета и не могла потом в Москве надыхаться красотой. А родители полгода откладывали деньги на летний отпуск, а после отпуска полгода отдавали долги, так что всю одежду мама шила нам сама, даже пальто, вязала нам кофты и костюмы, мебель

никогда не покупали — все было просто, как у всех там тогда, шкаф с алюминиевой биркой из ГЖЧ в углу, сундук и кровати. Зато браконьеры развозили по всему городу огромных рыб — белуг и осетров и черную икру. Нам давали по пол-литровой банке икры и столовые ложки. Ешь сколько влезет. Арбузы катались по всему дому, 4 копейки кг, мы ели их на спор — кто больше... Школьников возили не на картофельные поля, а на помидоры. Что не успевали собрать, просто запаховали. Так что все деньги уходили на летние поездки на море и на питание. С едой всегда было все в порядке. Да и потом, в Москве, уж на что-что, а на еду отцовской полковничьей зарплаты всегда хватало. Так что тем более непонятно было, как так получилось, что у него обнаружили вдруг открытую форму туберкулеза — три каверны в легких. Может, конечно, это были отголоски войны...

«Туберкулез непобедим», — услышала мама от врача в Одинцовском госпитале, куда папу сразу определили, как только поставили диагноз. Я поехала к Батюшке и рассказала ему о внезапной болезни отца. И ровно через месяц его выписали из больницы с записью в медицинской карте (эта карта и сейчас хранится у мамы в старой отцовской полевой сумке, где собраны его военные

документы): «Редкая форма спонтанного излечения туберкулеза».

— Батюшка, они все равно совсем не молятся!

— Сама за них молись.

А через несколько лет у отца заболел живот. Очень заболел, но он долго не давал маме вызвать «скорую». Когда она поняла, что дело совсем плохо, побежала по улицам искать работающий телефонный автомат (почему-то тогда срезали телефонные трубки в автоматах), нашла — успела и вызвала «скорую». Отца тут же увезли в больницу и сразу положили на операционный стол. Хирург потом сказал, что еще бы несколько минут — и все, аппендицит бы лопнул, перитонит был обеспечен.

После операции отец вернулся домой, сначала все было хорошо. Я каждый вечер проверяла у него шов на животе и приклеивала на этот чистенький розовый шов лейкопластырем марлевую салфетку. Но через пару дней у него поднялась температура. Вызвали врача, прозондировали живот — гноя нет. И терапевтических показаний тоже нет, по всему температуры быть не должно.

Рано утром я поехала на электричке к Батюшке. Рассказала ему все.

— У него там остался гной.

— Батюшка, врачи проверили — гноя нет.

А он вдруг стукнул кулаком по столу:

— Я тебе говорю — у него там остался гной!

Вернулась я домой, мама открывает мне дверь, смотрит на меня как на врага, моя интеллигентная мама:

— Я тебя сейчас убью!

— Господи, что случилось?

Оказывается, утром, пока я была в Лавре, у отца на животе, там, где я заклеивала шов, образовался сизый шар размером с грушу. Вызвали «скорую». В машине гнойный шар лопнул, гной вылился наружу, рану промыли, обработали. И температуры уже больше не было.

— Батюшка, они все равно не молятся!

— Они у тебя как дети. Сама за них молись.

Так Батюшка дважды продлил моему отцу жизнь на покаяние. И он успел прийти к вере и умер христианином.

Тайны послушания

В начале восьмидесятых у меня было послушание от Батюшки — покупать и привозить ему летописи, которые тогда издавала

Академия наук. Он в те годы особенно интересовался историей, событиями времен татаро-монгольского ига, Куликовской битвой. А однажды отправил меня в Историческую библиотеку — иди и ищи сведения о Тамерлане. Я совсем не историк, но с каталогами работать приходилось немного в Ленинке и в моей любимой Тургеневской библиотеке — долго не могла пережить, что ее снесли в одночасье. И вот забралась в предметный каталог, там огромное количество карточек, и буквально наугад вытянула одну из сотен — какая-то тоненькая книжечка, которую до меня кто-то просматривал только один раз и очень давно. Переписала ее, дома перепечатала и отвезла Батюшке. И услышала от него:

— А ты знаешь, что сделала историческое открытие?

— Это Вы, Батюшка, сделали открытие. Я — как инструмент, за послушание...

А в книжечке той подробно описывалось, как к Тамерлану, когда он вошел в Багдад, пришли тамошние женщины и рассказали ему, что в городе все мужчины мужеложники. Тогда он дал приказ своим воинам назавтра принести каждому по голове мужеложника, а кто не принесет, свою потеряет. «Помнишь Верещагина “Апофеоз войны”»? — сказал мне

потом Батюшка. — Вот они, эти головы, в пирамиды сложенные».

Потом несколько лет подряд Батюшка в своих проповедях рассказывал эту историю, говоря о том, как Господь «и врага Своего может заставить работать на Себя», что такие личности, как Тамерлан, — это бич Божий народам за грехи.

Однажды я приехала к Батюшке на электричке, как обычно. Встретилась с ним в коридорчике у левого входа в его старую каменную келью. Увидел меня:

— Ты на машине приехала?

— Нет, — говорю, — пешком.

А он сразу строго взглянул на меня:

— А ты врать научилась.

И прошел мимо. Это надо было тогда пережить. Так нас учили отвечать за каждое слово.

Жизнь моя была ленива и маломолитвенна и почти не менялась, несмотря на все Батюшкины труды над моей душой. Однажды Батюшкино терпение кончилось, и я услышала от него: «Будешь поступать в медицинститут. На дневное отделение». Все было

бесполезно, слезы не помогли, он не слушал никаких моих возражений: «Иди готовься». Мне уже было тридцать пять — это предельный возраст для поступления. И в сентябре должно было исполниться тридцать шесть.

— Документы уже не принимают! — радостно сообщила я Батюшке.

— Ничего, иди в Министерство, проси, добивайся.

Пришлось походить по кабинетам, а еще — раздобыть школьные учебники и вспоминать давно забытые знания. Когда я наконец пришла к Батюшке и обреченно доложила ему, что разрешение получено, он весело взглянул на меня:

— Ну что, все поняла? Отменяется. Иди молись.

Как-то приехала утром к Батюшке, а вечером в шесть мне нужно было быть в этот день на работе, моя смена была. А Батюшка — на улице, среди народа, и спрашивает: «Кто поедет на подсобное хозяйство трудиться?» Я думаю: «Как же я поеду, мне ведь не успеть тогда на работу». И стою на месте, а люди идут к нему, те, кто на подсобное хозяйство. Он глянул на меня и говорит им: «Давайте, давайте, отделяйтесь от шелухи». Мне так

страшно стало: будь что будет, и я тоже пошла за ними. Приехали на подворье. Я оказалась на послушании на конюшне, дали мне вилы конский навоз убирать. А рядом со мной с такими же вилами отец Виктор — теперь он уже много лет духовник Горненского монастыря в Иерусалиме. Он и говорит: «Смотри, вот так и исповедь: слой за слоем, сначала тяжело, а потом все легче и легче». Часа два поработали: «Ну, — говорит, — мне пора в Москву». — «Батюшка, а меня возьмете?»

Мы пошли с ним попрощаться с начальником подворья. И получили огромные пакеты с подарками, конфетами и всякой всячиной — в то голодное время! После двух часов труда! И я, конечно, вовремя успела на работу.

«Жизнь животных»

Батюшка за весь мир молился. Не только за людей. Его все интересовало — и птицы, и разные зверушки. Помню, показал он мне детскую книжку, а там стишок:

Три вороны были в среду,
Мы не ждали их к обеду,
А в четверг со всех краев —
Стаи жадных воробьев.

«Разве можно, — говорит, — так? Давай зачеркнем и напишем — “шустрых”. Вот и ты исправляй такие вещи».

Однажды Батюшка благословил мне купить ему многотомник Брэма «Жизнь животных» и дал на покупку сто рублей. Я вернулась в Москву, позвонила знакомым букинистам. Меня подняли на смех — купить все тома сразу нереально, разве только отдельные случайно, и какие там еще сто рублей!

На третий день я спохватилась — старец благословил, а я что делаю? И утром прямо после работы отправилась в ближайший букинистический в Столешниковом. Подхожу к прилавку. Я их сразу узнала: лежит стопка в пестрых обложках, перевязанная бечевкой. Даже спрашивать ничего не стала, иду в кассу. «Мне Брэма», — говорю. И протягиваю сто рублей. И получаю чек.

Вышла из магазина и тут же вернулась.

— А у вас, — спрашиваю, — часто Брэм бывает?

— Только отдельные тома.

— А это?

— Отложили для одного человека, а он не пришел. Третий день лежит, сами удивляемся.

Как же я полетела с этими книгами тяжеленными, когда вышла потом из магазина... Поскользнулась на льду, упала на спину, но не ударилась головой, слава Богу. Только книги спасала, чтобы не упали, не повредились, успела их поднять над собой, может, глядела на них вверх, вот и не разбила голову.

ДРОГОБЫЧ

Тогда же, в восьмидесятые, мне пришлось по послушанию поехать на Западную Украину — одна наша хорошая знакомая, очень ревностная, но лишенная на тот момент духовного рассуждения, оказалась сначала в Почаеве в какой-то секте под горой, в пещере, там ей даже вырезали крест на спине, а потом попала в психушку недалеко от Львова. Вот Батюшка и отправил меня туда, проверить, там ли она, и как можно ее оттуда извлечь.

— Только не задерживайся, туда и обратно.

Пыльные улицы — дороги без тротуаров, старенькое, когда-то белое, здание больницы. В регистратуре сказали, что девушку отдадут маме, когда она за ней приедет. Ну и надо было сразу возвращаться в Загорск, докладывать результат поездки. Так ведь нет, у дьявола

все просчитано, как Батюшка однажды мне сказал. Когда я садилась еще в Москве в поезд на Киевском вокзале, я встретила на перроне своих знакомых — Иру с друзьями. Оказалось, что мы едем в одном купе. Ира тогда преподавала теорию вероятности на мехмате в МГУ. Брат ее, Геннадий, серьезный историк, расстался с Академией наук и алтарничал в Пименовском храме на Новослободской, а по ночам подрабатывал там сторожем. Понятно, в семье к этому отнеслись однозначно. Но однажды он спросил у сестры: «А ты не задумывалась, что в твоей жизни слишком много совпадений, чудесных встреч, удивительных находок и странных событий; ты это называешь случайностями, да? Ну, вот, как математик, просчитай это по своей теории вероятности». Ира посчитала. Полученный результат совершенно не вписывался в пределы этой теории — цифры просто зашкаливали. И тогда она пришла в церковь.

Проводница принесла нам густой чай в граненых стаканах с серебристыми подстаканниками, вагон покачивался, ложки по звякивали на стыках рельс, мы не спешили расстилать сыроватые серые простыни и до темна рассказывали наперебой друг другу разные истории, пока не поняли, что больница, в которую я еду, совсем рядом с тем

местом, куда едут они. «Так ты приезжай к нам в Дрогобыч, в Грушево, там сейчас явление Божией Матери. Полчаса на автобусе, найдешь там нас, и обратно поедем вместе».

Автобус до Дрогобыча по расписанию нужно было ждать почти час, и я решила зайти в церковь, купола которой виднелись невдалеке от больницы между деревьями. Покосившийся забор с ободранными кирпичными столбиками, вот и калитка со стороны алтаря. Только я собралась повернуть к колокольне, чтобы найти вход в храм, как вдруг откуда-то вынырнул молодой пономарь в рабочем халате:

— Тебе, жинка, в церковь? Ну пойдем, — и, открыв дверь, вежливо пропустил меня вперед, и я уже почти перешагнула порог, как увидела Престол.

— Так это же алтарь!

— Та ничего, мы все тут ходим, так ближе. Батюшка благословляет.

— Ну, передай привет своему батюшке, а я, пожалуй, пойду подожду автобус.

— Да у нас все, даже уборщицы, тут ходят, — пробормотал пономарь, — там сейчас вход закрыт. Ну ладно. Пойдем. Открою тебе, раз такое дело. Из Москвы, говоришь...

Мы обогнули церковь, и он открыл ключом центральный вход. Все помещение храма было устлано коврами, где-то впереди, перед невысоким голубым с позолотой иконостасом, на аналое лежали две иконы, и больше я не увидела икон. Кроме одной, которая во множестве украшала белые стены. Это был так нелюбимый мною живописный образ Спасителя в терновом венце: обрамленный аккуратными локонами лик, вполоборота, на неестественно широкой шее. Он мне всегда казался каким-то католическим. Так вот, этих одинаковых картонных икон было штук десять, и они висели на стенах с двух сторон, симметрично, глядя друг на друга. Сказать было нечего, мы распрощались с пономарем, и через час я уже вышла из автобуса в Дрогобыче.

Дорога до Грушева специально для встречи паломников была залита свежим гудроном, подошвы прилипали, ноги расползались, но я все-таки не упала, дошла. Нашла своих знакомых на сеновале, и ночью меня повели в сад. Там уже по всем углам народ распевал молитвы, и все смотрели в одну сторону — на стене старой, красного кирпича, часовни действительно появилось черно-белое изображение иконы Успения Пресвятой Богородицы, как бы составленное из теней листвы.

Рядом, по балкону, время от времени перемещалась какая-то женская тень, и тогда при виде ее все ещё громче пели молитву «Богородице Дево, радуйся», как-то странно, не по нашему, разделяя молитву пополам и какие-то еще слова вставляя посередине. Все это никакого впечатления на меня не произвело — кроме тревоги и нелепости моего там присутствия. Да здесь же одни униаты! И зачем мне эти тени, это им — тени, а нам, православным, дана полнота. И тут появились спортивного вида люди в штатском и всех отвели в стоящий неподалеку автобус. Я оказалась в последних рядах. Около кабины водителя был как бы президиум, где восседали три гражданина-начальника, и старший из них общедоступно объяснил, что все православные люди сейчас в Почаеве, потому что праздник Успения, а вы зачем здесь? Приготовьте документы, и по очереди будем разбираться.

Все правильно — наши в Почаеве. А я здесь зачем? Это называется — «камни возопиют». Ну вот и все — отца уволят, он этого не переживет, и как я буду жить дальше, с какой совестью... Если бы еще за Православие пострадала, а то вкупе с униатами. Но до меня дело не дошло — выловили кого-то важного, а всех остальных выгнали из автобуса и отправили по домам.

Мои попутчики куда-то делись, я добралась до автобусной станции. В буфете за соседним столиком двое в штатском все время поглядывали на меня. Понятно. Хвост. Они сели вместе со мной в автобус. И во Львове тоже крутились все время рядом, неотступно. Мне уже не надо было никаких львовских красот. В кассе сказали, что на прямой поезд до Москвы билетов нет, только до Киева. В вагоне до Киева эти двое снова были рядом — надо как-то отрываться. В Киеве они спокойно ушли пить чай, потому что московский поезд должен был отправиться часа через два. Только ребята были местные, а я-то москвичка.

Я еще раз подошла к билетной кассе.

— Поезд на Горький через Малоярославец вот-вот отправится! Договаривайтесь с проводниками.

Ну а через Малоярославец-то от Калуги до Москвы мне приходилось ездить не раз. Проводник плацкартного вагона уложил меня на верхнюю боковую полку: «Потом расплатишься». И ночью разбудил: «Идем со мной, пора платить за дорогу». Слава Богу, я сообразила сквозь сон, что к чему, и ответила ему, что никуда не пойду, и если он сейчас же не возьмет деньги за проезд, я буду ждать начальника поезда. А тот как раз вскоре и появился.

В Малоярославце пересела на калужскую электричку, и сразу с вокзала на вокзал к Батюшке. Рано утром я уже была в Лавре. К Батюшке — не пробиться, и когда он, в самом конце приема, заметил меня, вдруг громко сказал: «Тут одна ехала ночью в поезде, проводник ее заманил в свое купе, и она сильно пострадала...»

«Да они там все недоразвитые», — услышала я от Батюшки, когда рассказала ему потом про свое «знакомство» с униатами.

Монинские кошки

— Батюшка, что делать? Мария-то, монинская, чтобы кошек прокормить, наладилась ворованные на мясокомбинате обрезки покупать, кошки-то у нее живут, а душа-то, душа погибает».

— Ну, вот расскажи матушке, как туда доехать, всех кошек заберете и завтра привезете сюда. Тут кухня рядом, будут сыты. Им тут хорошо будет. Езжайте-езжайте, это вам по дороге. Отправь туда сестер, а сама поедешь в Зосимову пустынь — там сегодня прославление преподобного старца Зосимы.

У Батюшки всегда все было «по дороге», хоть Момино, хоть Пермь, да вот только это

Содержание

Предисловие	4
ШКОЛА МОЛОДОГО БОЙЦА	10
Гардеробный трест	10
Ну, Царство.....	16
Алтайские восходы.....	19
Сама за них молись	31
Тайны послушания	34
«Жизнь животных».....	38
Дрогобыч	40
Монинские кошки	46
Ценный груз	48
Черная «Волга»	50
Ближний свет.....	53
Благословение должно быть на благо	60
Библейская тема	68
ОПТИНСКИЙ КОЛОКОЛ	76
СЕРБИЛОВСКИЕ ИСТОРИИ	103
ФЕВРАЛЬСКИЙ ОТПУСК.....	119

БАБУШКИНА СВЕЧКА	150
СИНАЙСКИЕ КАМНИ	182
ЛЕТНЯЯ ПРАКТИКА	206
КАРАНТИН	220
ГОРИТ МОЕ СЕРДЦЕ	231
ВАГОН	238
ТАИСИЯ	245
ВОЛОДЯ КОЛОМЕНСКИЙ.....	260
ОТОПИТЕЛЬНЫЙ СЕЗОН.....	265
ОТЕЦ ФЕДОР	274
ДАРИМ ТЕБЕ ДЫХАНИЕ.....	278
МАЛЕНЬКАЯ ЧАСОВНЯ	283
АЩЕ НЕ КРЕЩЕН	302
О БЛАЖЕННОЙ ЛЮБУШКЕ	308
КРЫМ НАШ	357
Послесловие.....	364

